

Михаил Вешников

**РОМАНТИКАМ
СЕМИДЕСЯТЫХ
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

Михаил Вешников

**Романтикам семидесятых
посвящается**

«Издательские решения»

Вешников М.

Романтикам семидесятых посвящается / М. Вешников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907838-4

Автор описанного в книге захватывающего приключенческого повествования Михаил Вешников (литературный псевдоним) — выпускник Харьковского государственного университета, переводчик, воин-интернационалист, который в далекие семидесятые годы прошлого века в силу своей профессиональной деятельности был активным участником национально-освободительного движения на юге Африки. Сюжет описанных им приключений основывается на реальных событиях и будет интересен широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-44-907838-4

© Вешников М.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Романтикам семидесятым посвящается

Михаил Вешников

© Михаил Вешников, 2018

ISBN 978-5-4490-7838-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Вот уже который год отставной полковник Илья Иванович Белых безвыездно живет на даче в ближайшем Подмосковье. Нынешнее положение его полностью устраивает. Вместе с женой Марией Олеговной они успешно справляются с необременительным хозяйством, домашние хлопоты им в удовольствие. В теплое время года жизнь более насыщена. На десяти сотках работы достаточно, а непоседливая супруга всегда найдет занятие на участке и себе, и мужу. Зимой же, если не учитывать походы за продуктами на близлежащий рынок и лыжные прогулки, большая часть времени проводится в доме.

Частенько зимними вечерами мы с Ильей Ивановичем сидим у камина. Тихо потрескивают дрова, тепло приятно обволакивает вытянутые ноги, остальное тело согревают небольшие глотки марочного французского коньяка, а по комнате витают клубы ароматного табачного дыма. Просто идиллия, по-другому не скажешь.

В такие минуты Илья Иванович все чаще предается воспоминаниям, как бы заново проживает свою бурную, насыщенную событиями и очень необычную для обывателя жизнь. Мария Олеговна, ко всему уже привыкшая, старается не докучать мужу, но иногда бросает укоризненные взгляды на его покрасневшее от коньяка лицо. Однако сказать, что это обстоятельство ее сильно тревожит, нельзя. Илья Иванович лишнего себе не позволяет, возможно еще и потому, что не хочет огорчать супругу.

С этой семьей я начал общаться примерно с год назад, когда поселился рядом в доставшемся мне в наследство вполне приличном для проживания небольшом, но уютном доме. Все произошло быстро и непринужденно. Илья Иванович был весьма разговорчивым и приятным собеседником. К тому же его возраст и нахлынувшие воспоминания породили необходимость выговориться, так как всю свою сознательную жизнь ему приходилось больше молчать и действовать, чем говорить. Из наших первых с ним разговоров я понял, что он был человеком интересной и, если можно так сказать, таинственной судьбы. Это было связано с его работой, которая при всем ее разнообразии часто была сопряжена с большим умственным и физическим напряжением, стрессами и риском для жизни.

В последнее время мы встречаемся чаще, чем прежде. Илья Иванович становится откровеннее и откровеннее, и, в конце концов, я решаюсь предложить ему заняться написанием истории его жизни. Из-за скромности решение основному герою будущего повествования дается нелегко, но в конечном итоге и на определенных условиях он соглашается. По его настоянию мы изменим некоторые имена и географические названия, но в основу книги положим реальные страницы жизни Ильи Ивановича и его товарищей.

Поколение семидесятых годов прошлого века принято называть «романтиками». Герой нашего рассказа принадлежит к этой категории молодых людей, на долю которых выпало много интересных и значимых для всей страны событий. Настоящей «визиткой» того времени как части всей прошедшей советской эпохи стали ударные комсомольские стройки. И сколько же было их, комсомольскихстроек, целинных земель, сколько городов и объектов было построено, благодаря энтузиазму и самоотверженному труду молодых сердец! – Дальний Восток, Крайний Север, Сибирь, Южная и Центральная части территории Советского Союза, Байкало-Амурская магистраль (БАМ), Камский автомобильный завод (КАМАЗ), Саяно-Шушенская ГЭС, нефтяные и газовые месторождения и многие другие, всех не перечислить.

В начале книги изображен памятник романтикам семидесятых. Установлен он в административном центре Ямало-Ненецкого округа, в Салехарде, в честь молодых парней и девушек, приехавших покорять Крайний Север. Эта стела является памятником романтизму молодого поколения того времени, олицетворением духовного порыва всей нашей молодежи, которая самоотверженно трудилась на грандиозных стройках нашей страны, осуществляла амбициоз-

ные по своим замыслам и масштабам проекты, выполняла интернациональный долг за рубежом, в том числе и с оружием в руках на африканском континенте.

В чем же заключалось выполнение интернационального долга? Вот как это описывает в своей книге «Мы свой долг выполнили» военный переводчик, работавший в Анголе, Сергей Коломнин.

«Советские военнослужащие направлялись в разные страны для оказания помощи дружественным СССР режимам и национально-освободительным движениям в строительстве их вооруженных сил, отражении агрессии извне, а во многих случаях и борьбе с внутренней оппозицией. Сегодня мало кто представляет масштабы советского вовлечения в тайные войны. В 70—80-х годах XX века наши военные советники и специалисты активно работали в армиях сорока стран мира, причем половина этих государств приходилась на Африку. С их помощью буквально на пустом месте были созданы современные сухопутные силы, авиация и флот.

О том, что советские военные находились в Африке, долгое время было не принято говорить. Больше того, 99% граждан СССР не знали о том, что в далекой Анголе, Мозамбике, Ливии, Эфиопии был советский военный контингент. Конечно, доносились слухи, но к ним, неподтвержденным официальной информацией со страниц газеты «Правда», относились сдержанно, как к байкам и домыслам.

Солдаты и офицеры, исполнявшие свой интернациональный долг, были как будто несуществующими, им не давали орденов и медалей, об их подвигах не писала советская пресса. Их словно не было для официальной статистики. В военных билетах участников африканских войн, как правило, не было никаких записей о командировках на африканский континент, а просто стоял неприметный штампик с номером части, за которым скрывалось 10-е управление Генштаба СССР. Зачастую им приходилось жить в полевых условиях, в палатках и землянках, постоянно испытывать серьезные бытовые неудобства: нехватку воды, отсутствие электричества, полноценного питания и должного медицинского обеспечения. Непривычные климатические условия: жара, низкая или наоборот высокая влажность, обилие опасных для здоровья насекомых и пресмыкающихся, распространение непривычных или даже неизвестных советским медикам болезней.

Но главная особенность заключалась в существовании формального запрета на участие в боевых действиях. Обуславливался он, прежде всего, возможностью захвата в плен наших военных. Советское руководство понимало, что в условиях «холодной войны» любой плененный советский офицер или солдат – это эффективное оружие в идеологической борьбе противника. И вновь приезжающим всегда говорили: «Нас здесь нет!».

Но они там были, романтики семидесятых, и свой долг выполнили!

*Юноши, девушки семидесятых
Мы не судили о людях предвзято,
Дружбу за доллары не покупали,
Слабостям, прихотям не потакали.*

*Мы не мечтали о царских хоромах,
Строили БАМ и свои космодромы,
Жили по совести, пусть небогато,
В силу народную верили свято.*

*Яму не «для» и не «под» не копали,
Свечками Господа не подкупали,
Верой и правдой Отчизне служили,*

А говорят: мы неправильно жили...».
Татьяна Кайгородова
«Были когда-то и мы рысаками»
Стихи. ру

Глава 1

Представьте себе типичный городок районного масштаба, которых было множество в Советском Союзе в семидесятые годы XX века. Население – десять тысяч, в основном люди старшего и престарелого возраста. Невзирая на регулярный отток молодежи в крупные города, количество жителей десятилетиями не менялось, благодаря такому же постоянному притоку из близлежащих деревень.

Это время сейчас принято называть «брежневским застоем», а еще точнее, его «расцветом». Тихая, размеренная, без больших потрясений жизнь устраивала всех. Красков (назовем его так) располагался в очень живописном месте, со всех сторон его окружали небольшие леса, в некогда широкой, но уже заросшей камышом реке водилась какая-никакая рыба, и при желании всегда можно было найти удобное для купания место. В городе функционировали несколько заводов местного значения, предприятия строительного и сельскохозяйственного профиля, культурно-просветительские заведения. «Застой» как-то особо не ощущался. Рабочих мест хватало для всех, заработки по местным меркам были приемлемыми, и люди на свое бытие не жаловались. Некоторое время даже существовал самодеятельный театр, но со временем энтузиастов становилось все меньше, и в конце концов инициатива сошла на нет.

Однако, если сказать, что все было хорошо, это было бы не совсем верно. В большей степени сказанное относилось к состоявшимся красковчанам и в меньшей мере к молодежи. Продолжить учебу в городке после окончания средней школы можно было только в двух профессионально-технических училищах. В эти учебные заведения после восьмого, а то и после десятого класса шли те представители молодого поколения, которые по тем или иным причинам не представляли себя в качестве будущих студентов и все свои планы связывали с родным городом.

У значительной же части молодежи, которая стремилась продолжать учиться, эти «храмы науки» популярностью не пользовались. Ее интересы и география были самыми разными. Каждый выбирал себе науку по вкусу, и от этого зависело, куда ехать учиться. Во времена Союза в любом вузе страны можно было встретить представителей разных национальностей. Особенно это отмечалось в приграничных по нынешним меркам территориях.

Показательным был в то время Харьковский государственный университет имени Горького. Большинство студентов там были русские и украинцы. Кого было больше, трудно сказать. Расположенный практически на границе двух советских республик, Харьков являлся значительным культурным и научным центром всей страны. В городе, включая несколько военных училищ, было двадцать два вуза. Выбирай – не хочу. И поскольку Красков располагался от Харькова менее чем в ста километрах, понятно почему многие красковчане ехали туда учиться.

И вот в такое время в этом городке родился и прожил неполные 17 лет Илья Белых. Мать работала бухгалтером, а отец руководил небольшим предприятием. Родители очень трепетно относились к своему единственному ребенку и большое внимание уделяли его воспитанию. Это во многом способствовало формированию у молодого парня устойчивого стремления к познанию окружающего мира и непреходящего желания всесторонне развиваться.

С возрастом интересы менялись, но тяга к знаниям оставалась неизменной. Илья много читал с раннего возраста, и к окончанию школы ему были хорошо известны имена и произведения многих отечественных и зарубежных писателей. Однако это совсем не означало, что он был каким-то особенным и резко выделялся среди своих сверстников. «Улица» оказывала свое влияние, и Илья, как и многие другие, был ему подвержен. Одним словом, обычный парень, с интересом к жизни, с хорошим для своего возраста общеобразовательным уровнем, с развитым чувством юмора, со всеми своими достоинствами и недостатками.

Отличником Илья не был, но выпускные оценки ожидалось хорошими. Следует сказать, что в тот период при поступлении в вуз учитывался средний балл школьного аттестата, который у Ильи был выше среднего, однако оценка самим Ильей своих знаний свидетельствовала о том, что путь в технический вуз для него практически был закрыт. Шансы сдать на нужную оценку экзамен по математике или физике были ничтожными. Поэтому, перелистывая справочник для поступающих в вузы, Илья с особым вниманием изучал, где и какие экзамены нужно сдавать. Так и попал на объявление Харьковского госуниверситета, откуда узнал о существовании на факультете иностранных языков отделения переводчиков. Английский, сочинение, русский (или украинский) язык и литература устно, история – это были именно те предметы, которые давали шансы на поступление. Постепенно эта идея укреплялась, в фантазиях начали появляться мысли о зарубежных странах, интересная переводческая работа и в конце концов решение было принято.

Теперь предстояло за 1—2 месяца хотя бы повторить всю школьную программу по этим предметам. Понимая, что первым и основным экзаменом будет английский язык, Илья обратился за помощью к своей учительнице и получил ожидаемое согласие. Мало кто в то время в Краскове стремился продолжать учебу в языковом вузе, и его решение польстило Нине Петровне, которая с явным удовольствием начала с ним заниматься, причем и бесплатно. К тому же язык давался парню легко, он даже начал самостоятельно читать адаптированные книги.

А вот остальные предметы пришлось «поднимать» самому. Несколько успокаивало парня одно немаловажное обстоятельство. В будущем году восемнадцать лет исполнялось Илье только осенью, и до призыва в Советскую Армию у него было целых две попытки поступить в вуз, и таким образом появлялась возможность «увернуться» от срочной военной службы. Знал бы он в то время, какую роль в его жизни сыграет армия!

Глава 2

Те, кому посчастливилось пожить студенческой жизнью, наверняка помнят начало учебного года. В сквере, прилегающем к зданию *Alma mater*, стайками собираются студенты, то и дело раздаются радостные восклицания, звучит громкий смех – это приветствуют друг друга старшекурсники, радующиеся встрече со своими друзьями после летней разлуки. Как всегда, в сторонке стоят отдельными кучками первокурсники, ведут себя более сдержанно, периодически бросая уважительные взгляды в сторону своих старших собратьев.

Группа, в которой учился Илья, была представлена ребятами из разных регионов Украины и России. Сдружились быстро, чему в значительной мере способствовало пребывание в колхозе на уборке урожая. Собственно, с сентябрьской поездки в одно из близлежащих хозяйств и начинался учебный год. Первокурсники отправлялись туда в полном составе, а старшекурсники в большинстве своем летом работали в студенческих строительных отрядах (ССО), а в сентябре отдыхали. Эта форма организации трудовой деятельности учащейся молодежи в семидесятые годы была очень популярной. Вот как о ней написано в Википедии:

«Всесоюзный студенческий строительный отряд – это программа ЦК ВЛКСМ (Центральный комитет Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи) для студентов высших, средне-специальных и начальных учебных заведений, формировавшая временные трудовые коллективы для добровольной работы в свободное от учебы время (как правило, на летних каникулах) на различных объектах народного хозяйства СССР. Они направлялись, прежде всего, на объекты, относящиеся к ударным комсомольским стройкам.

Стройотряды ставили целью не только прямой заработок, но в первую очередь воспитание студентов в духе творческого коллективизма и уважительного отношения к труду. На них возлагались задачи по формированию высоких нравственных качеств и чувства патриотизма. Они рассматривались как важный институт социально-трудовой адаптации учащейся молодежи. Их деятельности сопутствовал проработанный церемониал; важную психологическую роль играли специальная стройотрядовская форма и символика. Так, перед тем, как приступить к возложенным на них обязанностям, на церемонии трудового сезона отрядам выдавали специальные паспорта-разрешения на работу. Романтика их бойцов дала культурам народов СССР огромное количество образцов стройотрядовской лирики – песен, стихов и пр.»

По разным оценкам, в семидесятые годы студенты работали на 30—35 тысячах объектов. Отдельного упоминания заслуживают БАМ (Байкало-Амурская магистраль, Саяно-Шушенская ГЭС, Курская АЭС, КАМАЗ (Камский автомобильный завод), стройки Приморья и Крайнего Севера, Восточный порт Находка, в том числе нефтяные промыслы Тюмени, газопровод Уренгой—Помары—Ужгород и другие грандиозные всесоюзные стройки промышленного и гражданского назначения.

За время учебы Илья поработал в двух стройотрядах – после второго и третьего курсов. Первой была поездка на Крайний Север. Готовиться к ней начали заранее. Кроме личных вещей необходимо было взять с собой продукты на два месяца, матрацы, простыни, одеяла, кухонную утварь. Для ССО обычно выделялись дополнительные поезда, в которые размещали возможно большее число стройотрядовцев, поэтому некоторым бойцам приходилось ехать на верхней (третьей) полке. Из-за неудобства спальными местами менялись через сутки.

Дорога до конечного пункта Лабитнанги занимала более трех суток. Поезда отправлялись вне железнодорожного графика и на некоторых станциях долго простаивали в ожидании встречного состава. Однако никого это не смущало. Ехали весело, с песнями, любовались мелькающими за окнами незнакомыми доселе пейзажами. Интересно было услышать настоящий вологодский говор, посмотреть на Урал, воочию увидеть описанные многими писателями горы. Ближе к Лабитнангам все были поражены необычным зрелищем. Справа по ходу поезда как

огромный шар, практически по земле, катилось солнце. Объяснение этому явлению из памяти улетучилось, но забыть его просто невозможно.

На вокзале в Лабытнангах в ожидании дальнейших указаний расположились в стороне от перрона недалеко от автодороги. Через некоторое время на ней появились два грузовика. В их кузовах были закреплены высокие металлические клетки, в которых находились заключенные. Что это именно они, стало ясно, когда увидели возле заднего борта двух бойцов с автоматами и сторожевыми собаками. Как выяснилось потом, в Лабытках (так местные жители между собой называли свой город), находилась тюрьма, в которой содержались осужденные на длительные сроки люди. И таким образом их возили на работы. Но дело не в этом. Проезжая мимо студентов, кто-то из заключенных произнес знаковую фразу.

– Привет, романтики!

Кто знает, возможно, эти люди, по принуждению оказавшиеся на Севере, в свое время и нарекли так молодежь, приехавшую осваивать дальний край.

В Лабытнангах провели более двух суток. Ночевали на разложенных на полу в местном доме культуры матрацах, питались всухомятку. Этот поселок, а ныне город с населением около 35 тысяч жителей, был своего рода перевалочной базой для продвижения дальше. В нашем случае – в Надым – поселок, который предстояло обустроить, и где было всего два или три пятиэтажных общежития и множество балков (деревянные домики на полозьях).

Жили в палатках по двадцать человек, работали по 12 часов в сутки без выходных. Было нелегко учиться замешивать раствор, класть кладку, таскать кирпичи, работать с отбойным молотком, разгружать грузовики с бревнами. Иногда от усталости не могли сразу добраться до палаток, а добравшись – моментально засыпали. Бывало и без ужина. Периодически донимали комары и гнус. Но никто не унывал, ни один из бойцов не попытался уехать досрочно. Особенно «увлекательным» стало путешествие на барже по Обской губе – так добирались обратно до Лабытнанг по окончании всех работ.

Заканчивалась третья декада августа, уже пролетали «белые мухи» – первый снег. В кузовах грузовиков приехали на пристань. С удивлением увидели на барже гору веток, несколько бочек и дрова. Из веток начали делать настилы, на которых предполагалось время от времени спать. Дрова и бочки предназначались для разведения костров. В противном случае можно было серьезно заболеть. Тем не менее, сейчас Илья Иванович с удовольствием вспоминает проведенные дни в Лабытках. Особенно полярную ночь с северным сиянием, которую видел первый и последний раз в своей жизни.

Он также с гордостью говорит о том, что сейчас Надым – это один из красивейших городов Крайнего Севера с особенным архитектурным обликом и развитой инфраструктурой. За 40 лет Надым был успешно построен «с нуля», появились не только дома, но и школы, спортивные комплексы, дом культуры, поликлиника, церковь. И стоит в нем памятник «Надымским строителям», к которым где-то в глубине души Илья Иванович и сам себя причисляет.

Глава 3

Очередной учебный год пролетел быстро, и снова подходило время летних каникул. А в стране начиналось строительство магистрального газопровода Уренгой – Помары – Ужгород. Предназначался он для поставок природного газа с месторождений севера Западной Сибири в республики СССР, а также в страны Центральной и Восточной Европы. Илье и товарищам предстояло прорубить в тайге просеку длиной 10 километров и шириной 100 метров, подготовить к отправке древесину и уложить лежневку под автодорогу.

На этот раз Илья был зачислен в так называемые «квартирьеры». Они должны были обустроить лагерь для основной части стройотряда. Вместе с Ильей в этой группе поехали несколько одноклассников, в том числе и Кирилл Сычов, с которым ему доведется в будущем провести почти два года вдали от Родины и в очень непростых условиях.

С пересадкой в Москве долетели до Тюмени, затем через Сургут на вертолете добрались до станции Когалымская (ныне город Когалым с населением более 60 тысяч человек). В ожидании перелета непосредственно на рабочее место в тайгу пришлось провести ночь под открытым небом. Накомарники получить не успели, поэтому нормально выспаться смогли не все. Но те, кому это удалось, утром не могли широко открыть глаза – все лицо опухло от укусов. На скорую руку перекусив, получили две бензопилы «Дружба» и одну «Урал», топоры, гвозди и другие материалы. К группе подключили профессионального вальщика, который должен был очистить место для вертолетной площадки и остаться со студентами валить лес.

Высадились возле палаточного лагеря геологов. К месту, где предполагалось разместиться, пришлось идти километров пять. Потом еще несколько раз ходили туда—обратно, так как невозможно было забрать весь груз за один раз. К обустройству лагеря приступили сразу же. Времени было мало, поэтому работали по 14—15 часов в сутки. Труд был изнурительным, а столько комаров Илья в жизни еще никогда не видел. Накомарники помогали мало, приходилось использовать различные средства, вплоть до дегтя, от чего кожа на лицах грубела и шелушилась.

Стало немного легче, когда прорубили километра два просеки – появился разгоняющий комаров ветерок, но в конце рабочего дня начинал донимать гнус. Казалось, что к этой напасти никогда не привыкнуть. Но уже через месяц пребывания в тайге после работы можно было услышать звук гитары и песни. Звучали знакомые мелодии и слова, известные на всю страну. Многие сочинялись прямо на месте, а запомнившиеся строчки слышны были еще потом и в университете. Самой популярной в то время была песня известного поэта и барда, побывавшего в нескольких геологических экспедициях, Юрия Кукина «За туманом». В ней были такие строчки:

*А я еду, а я еду за туманом,
За мечтами и за запахом тайги.*

Работа на лесоповале всегда считалась тяжелой и опасной. Это на первый взгляд все просто – была бы сила. Казалось, что стоит свалить высокую сосну? – Подпилил, толкнул – и порядок. На самом деле – это не просто умение, а почти ремесло. Не один студент получил тяжелые травмы, были и смертельные случаи. Об этом рассказывали, об этом все были предупреждены, и поэтому, когда возникла необходимость еще в одном вальщике, мало кто соглашался взяться за это дело без предшествующей подготовки.

Согласился Илья и проработал в этом качестве почти месяц. Поначалу он пожалел об этом, но отступить было не в его правилах. Да сразу не все и получалось. Тем не менее, лес он продолжал валить до последнего дерева и таким образом приобрел навыки еще одной профессии. Работа была проделана немалая. Ребят распирала гордость, когда они летели над трассой в Сургут, и сердца наполняло чувство глубокого удовлетворения проделанным и участием еще в одной грандиозной ударной стройке.

Глава 4

При всей похожести университета, в котором учился Илья, на подобные учебные заведения Советского Союза второй половины XX века, в этом была одна особенность, отличавшая его от других вузов. Здесь было очень много иностранцев. Легко можно было встретить студентов из Африки, Латинской Америки, Вьетнама, Кипра, Сирии, Палестины и других регионов и стран нашего большого мира. Больше всего их скапливалось на втором этаже, где находился так называемый «подфак» (подготовительный факультет).

В течение года иностранцы изучали русский язык, понятийный аппарат основных предметов, которые им предстояло осваивать в разных вузах нашей страны. Специфика заключалась еще и в том, что все зарубежные студенты проживали в одном общежитии вместе с советскими. В комнатах, как правило, поселяли четверых: двое иностранцев и двое наших. Большею частью это были студенты факультета иностранных языков. Все объяснялось стремлением облегчить иностранцам процесс адаптации к жизни в СССР, а инъязовцам создать благоприятную среду для совершенствования изучаемого иностранного языка.

Илья своей жизнью был доволен. Успешно перейдя на четвертый курс, способный студент не испытывал никаких трудностей в учебе. Английский язык давался ему легко, с французским тоже не было проблем, да и остальные предметы особого беспокойства не доставляли. Подзаработав в стройотряде, он хорошо отдохнул в Крыму, и сейчас его основной целью было «выбить» себе комнату в теплом крыле общежития и мечтать о том, что повезет с иностранцами. Это было важно. «Общага» находилась в довольно старом здании, ремонт не успели закончить, поэтому состояние комнат было разным. Приезжающие из-за рубежа студенты представляли собой весьма колоритную массу, и в силу отличий в воспитании и привычках не всегда с ними было просто в быту, возникали проблемы и с психологической совместимостью.

Кроме бытовых проблем, Илью волновал еще один вопрос, связанный уже с его учебой. Дело в том, что в университете существовала практика обмена студентами с зарубежными вузами, и каждый год несколько счастливых с их факультета выезжали в Англию на стажировку. Жили они в английских семьях, посещали лекции в местных университетах, знакомились с достопримечательностями, изучали «капиталистический» образ жизни.

В то время такая поездка считалась очень престижной, желающих побывать за границей было много. Но главное заключалось в возможности совершенствования языка путем общения с непосредственными его носителями и открывающимися перспективами в будущем. К таким стажерам руководство факультета относилось более доброжелательно, экзаменационные сессии они проходили легко, да и лучшие распределения доставались им. Илья был одним из кандидатов, шансов у него было не больше, чем у других, но и не меньше.

С такими вот мыслями, перекусив в столовой и прихватив пару бутылок марочного вина для комендантши общежития, Илья направил свои стопы в направлении студенческой обители. Комендантша Зина Николаевна, по-другому тетя Зина, была еще не старой, несколько полноватой и весьма покладистой женщиной. За долгие годы работы здесь она поняла все ее преимущества и успешно ими пользовалась. Несмотря на невысокую по меркам того времени зарплату, место было доходным.

Студенты-иностранцы представляли собой разношерстную толпу. Среди них можно было найти детей как высокопоставленных в своих странах родителей, так и представителей национально-освободительных движений, в основном, африканских, которые не отличались большим материальным достатком. Но как бы то ни было, у них всегда можно было приобрести по сходной цене различные импортные товары – от радиоаппаратуры до предметов обуви

и одежды. Спрос на них в городе был большой, и при необходимости тетя Зина снабжала своих знакомых таким «дефицитом», естественно, не без пользы для себя.

Такой бизнес был рискованным, но не для нее. По всем вопросам, связанным с жильцами общежития, к ней обращались и преподаватели, и руководители землячеств, и, что наиболее важно, представители правоохранительных органов. Последние, конечно, знали или догадывались о деятельности тети Зиной, но закрывали на это глаза. Комендантша особенно не злоупотребляла, но помощь оказывала действенную.

Илья с тетей Зиной сумел наладить почти дружеские отношения. Они основывались на взаимной симпатии и оказываемых ей услугах. Илья периодически подбрасывал комендантше «шмотки», большей частью те, которые ему были не нужны или с целью закрепления доброго ее отношения.

– Привет, студент, – улыбнулась тетя Зина. – Пора за учебу браться? Как отдохнул?

– Все, как всегда. Стройотряд, а потом месяц в Крыму. Вот и для тебя, тетя Зин, «кусочек Крыма», – в тон ей ответил Илья, вручая пакет с бутылками.

– Илюш, ты в своем стиле. Спасибо, – улыбка у тети Зиной стала еще шире. – Приехал поселиться?

– Ну, да. Осталось что-нибудь приличное?

– Дорогой мой, для тебя всегда найду. На третьем этаже есть комната. Правда, там еще ремонт, но обещали сегодня закончить. Одну ночь где-нибудь поселю, а завтра переедешь в свои апартаменты.

– Тетя Зин, спасибо. А приезжих (имелись в виду иностранцы) уже распределили по комнатам?

– Как всегда списки составили заранее. Но не все еще приехали. Основной заезд завтра.

– И с кем же мне повезло?

– Какие-то африканцы. Да тебе ведь не привыкать.

– Без разницы. Лишь бы побогаче.

– Понимаю, – произнесла тетя Зина.

– А из наших кто? – спросил Илья.

– Пока свободно. Может, поселить кого-то из твоих?

– Хорошо, я поговорю с ребятами.

Илья немного лукавил. Еще раньше он договорился со своим одноклассником Кириллом «пробить» комнату и поселиться вместе. Они и раньше дружили, но до последнего времени Кирилл снимал квартиру в городе. В силу сложившихся обстоятельств родители уже не могли содержать его как раньше, поэтому возникла необходимость в общежитии.

Соседями по комнате оказались Фред из Судана и Питер. О втором следует рассказать подробнее, так как он для нас представляет интерес с точки зрения понимания условий, в которых довелось оказаться нашему главному герою.

Как выяснилось потом в процессе общения, Питер родился в небольшой деревушке на юге Африки. Его страна, назовем ее Сантиния, была давней колонией. Парень с детства познал все возможные лишения и невзгоды своего существования. Как многие его сверстники, он помогал родителям, основным занятием которых было скотоводство. В сложных условиях окончил начальную школу, и это позволило ему позже уехать из деревни и устроиться рабочим на рыбоконсервную фабрику. Здесь-то его и захлестнула другая жизнь – полнокровная, насыщенная, полная опасностей и жестокости.

Продолжая учиться, молодой сантиниец вступил в полулегальную организацию, объединявшую, главным образом, прогрессивную молодежь и рабочих рыбной промышленности. Собственно говоря, это была первая попытка найти политическое решение проблемы негритянского населения в стране, управляемой белым меньшинством. Первые выступления были

легко подавлены, организация практически развалилась. Ее руководители помогли Питеру перебраться в Белград, чтобы продолжить учебу.

После окончания философского факультета Питер вернулся в Сантинию, где к тому времени протестные настроения усилились и обрели организационные формы. Такое положение не устраивало власти, и они начали принимать радикальные меры, вплоть до арестов и судов. Остаться в стране было уже невозможно. Таким образом, Питер, будучи уже одним из лидеров, оказался в Танзании. Эта страна оказалась в центре национально-освободительного движения в Африке, а в столице располагалась штаб-квартира созданного Организацией африканского единства Комитета освобождения.

В связи с тем, что в Танзанию вместе с беженцами начали прибывать участники национально-освободительных движений стран Южной Африки, руководством комитета было принято решение о предоставлении для них территории в районе деревни Конгва, примерно в 500-х километрах от Дар-эс-Салама. Именно в Конгве лежит начало формирования сантинийских вооруженных отрядов, в которых будущие бойцы изучали основы ведения партизанской войны, приобретали навыки владения различными видами стрелкового оружия и применения взрывчатых веществ. Активная деятельность Питера была замечена руководством освободительного движения Сантинии, и его как перспективного руководителя направили в СССР на учебу, для последующего использования на более высоких должностях.

Но о Питере позже, о нем речь будет вестись еще не один раз. А сейчас, после того, как были решены все вопросы с общежитием, Илья направился опять в университет. По большому счету рассчитывать на какие-либо интересные новости не приходилось. Решение о направлении студентов на стажировку планировалось принять примерно в конце сентября, сроки также еще не были определены. Тем не менее, Илья ехал с предвкушением приятной встречи с одногруппниками и приятелями с других курсов. Его надежды оправдались. После радостного братания все завалились в давно облюбованное кафе, где и засиделись до позднего вечера. Расходились с новыми впечатлениями и настроенные на учебу.

Глава 5

Первый день занятий действительно значимых новостей не принес. Все происходило как всегда рутинно: знакомство с расписанием, обсуждение новых преподавателей, поход в библиотеку за книгами и все такое... Единственной стоящей новостью было известие о появлении в преподавательской среде на военной кафедре капитана Олега Евгеньевича Сытника. Это было интересно потому, что этот капитан должен был вести занятия по военному переводу в группе Ильи. Такую новость принесла Светлана Александровна, куратор группы на факультете. Она-то и намекнула, что Сытник – человек довольно интересный, много лет провел за границей, где работал переводчиком английского языка.

– Вам, мужчинам, это будет интересно. На меня он произвел приятное впечатление. – Такой был ее вывод после общения с Сытником.

Это был еще один момент, на который Илья почти не обратил внимания. Все старались с военной кафедрой не шутить. Отчисление оттуда означало и отчисление из университета, следовательно, прямую дорогу в Советскую Армию. Такая перспектива, конечно, никого не прельщала. С другой стороны, никто даже и не помышлял связывать себя с армией. Студенты мечтали «отвертеться» от направления в школу и устроиться где-нибудь в бюро переводов, или, на крайний случай, зацепиться за место преподавателя в институте или техникуме. Некоторым удавалось остаться в университете. Все это было не так просто.

Но по мере общения с капитаном взгляды на будущее у некоторых стали меняться. У Сытника было интересное прошлое. Олег Евгеньевич в свое время окончил Военный институт иностранных языков и, будучи отличным переводчиком, пользовался спросом в министерстве обороны. В то время наши военные были широко представлены в Африке. Капитану, по его словам, довелось побывать в 16 странах. Но основное время он провел в Египте, Судане, Уганде и Эфиопии. Был он человеком общительным и любил посидеть за кружкой пива. Иногда после занятий соглашался пойти вместе со студентами в близлежащий пивной бар, и тогда только его и слушали. Его рассказы были настолько необычными и интересными, что все студенты, и Илья в том числе, надолго их запомнили. А побывав переводчиками за границей, убеждались, что многое в них было сущей правдой. Как, к примеру, можно было воспринимать в то время такое приключение:

«Оказались мы как-то с военным атташе в суданском госпитале. Приходилось много путешествовать по стране, если наши командировки можно назвать путешествием, вот и подцепили одну из африканских болезней. Неприятная вещь, не буду вдаваться в детали. И предстояло нам провести там около трех месяцев. К тому же сразу нас предупредили, „чтобы ни капли спиртного, иначе последствия будут тяжелыми, вплоть до летального исхода“. Но ведь товарищи нас навещали и приходили не с пустыми руками. Короче, бутылка виски простояла в прикроватной тумбочке около месяца. Но, в конце концов, терпение наше лопнуло. Разлили бутылку в два больших стакана, одним разом их осушили, разлеглись по койкам и стали ждать. Но, как видите, ничего страшного не произошло, и я сижу перед вами».

Можно по-разному относиться к таким «байкам», но главное заключалось не в этом. Несмотря на то, что Олег Евгеньевич ушел на преподавательскую работу, он сохранил добрые отношения со многими сотрудниками кадрового аппарата минобороны, а точнее, с теми из них, в функции которых входила работа по подбору кандидатов для работы за рубежом. Нехватка переводчиков вынуждала их заниматься этим не только в военных училищах, но и в гражданских учебных заведениях, где преподавался военный перевод, а с ростом потребностей – и на обычных факультетах иностранных языков. В то время выехать на работу за рубеж было очень престижно. Выезду предшествовала длительная проверка компетентных органов, требовались характеристики и рекомендации и т. д.

Привыкший к хорошим зарубежным заработкам капитан не исключал возможность своей очередной заграничной командировки и не разрывал отношения с кадровиками. Ради справедливости следует отметить, что со многими из них у него сложились дружеские отношения во время совместных заграничных поездок.

Неизвестно, по их просьбе или по своей инициативе, Сытник изучал своих студентов на предмет их пригодности для работы в сложной обстановке и возможных боевых действиях. Этому он не скрывал от своих подопечных, а они все больше проникались желанием пойти по его пути. Открывалась реальная перспектива поехать за рубеж и работать по специальности. Вырисовывалась предположительная картина будущей переводческой работы, более реальной виделась заграничная командировка, и, по всей видимости, не простая. Это манило. Но надо было ждать и надеяться, что из списков кандидат вычеркнут не будет.

Вскоре просочилась информация о том, что военную кафедру посетили представители министерства обороны. Интересовались они старшекурсниками, а конкретнее, студентами 4-го курса. Личных собеседований не было, работа велась с документами и преподавателями. Стало также известно, что отобранные кандидаты весной будут вызваны в Москву. Илья долго не размышлял, решил «надеть погоны», если поступит такое предложение. С капитаном отношения складывались нормально, так что на его рекомендации можно было рассчитывать.

Дни летели стремительно, студенческая жизнь бурлила. Занятия шли своим чередом, на личном фронте перемен не наблюдалось. Нельзя сказать, что Илья негативно относился к браку, но, как он сам иногда говорил, «успеется, брат, успеется». В любой компании он чувствовал себя непринужденно, девушки были настроены к нему доброжелательно, однако серьезными чувствами он старался себя не связывать. Мимолетные увлечения случались, но такое состояние длилось, как правило, недолго и Илья выходил из него легко.

В общежитии все шло как обычно, хотя не обходилось без курьезов. Впервые там появились вьетнамские студенты, и их присутствие внесло свой колорит. Особенно это проявилось после первой стипендии. Как оказалось, «вьетнамские гости»... жарят селедку. Кто хоть один раз познал этот запах, не сможет забыть его никогда.

Традиционно приходилось удивлять иностранцев своими возможностями в употреблении спиртного. Это мероприятие вызвало у них неподдельный интерес, на напитки они не скупились, поэтому все происходило чрезвычайно весело и, что немаловажно, бесплатно для основных действующих лиц.

Постепенно прояснилась ситуация с поездкой в Англию. Как оказалось, только внешне все выглядело справедливо. Кандидаты были определены заранее, а так как у Ильи не было никого, кто бы мог за него похлопотать на нужном уровне, с мыслями о стажировке пришлось распрощаться.

Но появилось новое увлечение. Кирилл занимался боксом, и во время одной из тренировок в разговоре со спарринг-партнером узнал о существовании секции каратэ. Это направление восточных единоборств только начинало развиваться в Советском Союзе и, как все новое, с трудом прокладывало себе дорогу. Занимались этим энтузиасты, в основном спортсмены-разрядники по самбо, вольной борьбе, боксу.

После первых тренировок Илья почувствовал интерес к такому занятию и стал регулярно посещать секцию. Его не смутило то обстоятельство, что все это происходило неофициально, практически нелегально и под угрозой попасть в поле зрения правоохранительных органов. Риск, конечно, был, но, как тогда представлялось Илье, противоправных действий он не совершал, и по большому счету, был прав. Собственно говоря, они с Кириллом были первопроходцами и способствовали популяризации этого вида спорта, который позже получил широкое распространение по всей стране. Но кроме этого увлечение друзей помогало им закаляться физически, укреплять волю, становиться более устойчивыми психологически.

Если сравнить этот период в жизни Ильи с жизнью других студентов, то в конечном счете отличий можно найти не так уж и много. Однако одной из исключительных особенностей были их отношения с Питером, которые по мере общения укреплялись, а иностранец становился все более откровенным.

Позднее, в одной из бесед со мной Илья Иванович объяснил, почему он довольно часто упоминает Питера:

– Не хочу забегать вперед, но все происходило как-то естественно и как бы целенаправленно. Мне до сих пор сложно понять, почему мы так быстро положительно восприняли друг друга; ведь поначалу он был не очень общителен. Я не верю в мистику, однако в данном случае нас что-то сближало «сверху». Понимаешь, его рассказы о своей жизни вызывали неподдельный интерес. Мне сложно было даже представить эту реальность, которая в корне отличалась от советской действительности. Что я знал об Африке?! А здесь приходилось общаться с настоящим африканцем и, больше того, вникать в его мир и психологию, из первоисточника узнавать о происходящих процессах в национально-освободительном движении на континенте, участником которого мне предстояло стать на некоторое время.

Тем временем приближалась зимняя экзаменационная сессия. Это время до боли знакомо каждому студенту: напряженное – с перспективой предстоящего отдыха. Беготня по коридорам за преподавателями в попытках закрыть имеющиеся «хвосты» и досрочно сдать зачеты, стремление получить «автоматы», где возможно, и перенести сроки экзаменов, чтобы продлить время каникул. Илья чувствовал себя спокойно. В отличники он не стремился, но приключений, как говорится, не искал. Учиться без троек значило еще и получать стипендию. Это был серьезный дополнительный стимул к учебе.

У Кирилла ситуация была похожая, и друзья уже обсуждали возможные варианты туристических поездок на каникулах. Однако их планы были нарушены. На военной кафедре сообщили, что в начале февраля им в числе других предстоит поездка в Москву, а точнее, в министерство обороны, на собеседование. Этого никто не ожидал. Предстояло еще полтора года учиться, а уже «запахло» распределением. Да еще каким!!! Не трудно было догадаться, что речь идет о военном переводе и реальной возможности заняться этим за границей. В то время студенты «иньяза» могли об этом только мечтать. Никто из них тогда не думал о трудностях, сложностях и опасностях этой работы. Будущее казалось перспективным и заманчивым.

Поездка в Москву оптимизма в определенной мере добавила, но мало что прояснила. В столице находились три дня. Первые два провели в санчасти – проходили медкомиссию. На третий побеседовали с каким-то полковником, который больше спрашивал, чем рассказывал. Надежду внушали следующие слова: «Все вы являетесь кандидатами к нам на службу. Нам нужны переводчики. Заканчивайте учебу и ждите дальнейших указаний. И чтобы без потерь!». Вот, собственно, и все.

Обсуждение результатов поездки продолжалось еще некоторое время, но все сводилось к предположениям и догадкам. Сытник тоже ничего не стал объяснять, а ограничился коротким: «ждите». Только по происшествии нескольких лет, имея уже достаточный жизненный опыт, Илья больше не задавался вопросом, почему все тогда тянулось так долго и под завесой таинственности.

– Такое было время, – часто повторял Илья Иванович, беседуя с автором этой книги.

Глава 6

Последний год пребывания в университете нельзя назвать сложным. Занятия приобретали форму бесед с преподавателями, проходили в доброжелательной обстановке и совсем не походили на отчет учеников перед своими учителями. Все друг к другу привыкли, а основной темой обсуждений были распределение и подготовка к государственным экзаменам. Студентам предложили два варианта: защита диплома по английскому языку и госэкзамен по научному коммунизму (был и такой предмет в то время) или два «госа» (английский и научный коммунизм). Написание диплома требовало времени, а Илью это не устраивало. Сдать два экзамена не представляло для него никакой сложности, поэтому без размышлений был принят второй вариант.

Рассказывая об учебе на 5-м курсе, Илья Иванович в один момент улыбнулся, а потом на некоторое время задумался и рассказал следующую историю:

– Впервые в жизни я столкнулся просто с вопиющей подлостью. Еще на втором курсе Кирилл познакомился с девушкой с «французского» отделения. Девчонка была видная, многие на нее заглядывались. Возможно, поэтому отношения с ней у Кирилла развивались сложно. Временами они были, как говорится, «не разлей вода», потом вдруг разругивались напрочь, опять сходились и опять разбегались до следующего примирения.

В это время на кафедре английского языка работал некий Евгений, выпускник университета, чей-то протеже. Он-то и положил глаз на подружку Кирилла и нагло начал за ней ухаживать. В конце концов, он напросился на весьма грубый отказ, но зло на нее и Кирилла затаил: «гнилой» был. И свой момент он не упустил.

В последнюю неделю пребывания в общежитии студенты устраивали гулянки. Не отставали от них Илья и Кирилл. Спиртное лилось рекой, громко играла музыка. И вот в один из вечеров в их комнату вошел Евгений, который был дежурным преподавателем. Он сделал замечание, переписал фамилии, хотя Кирилла он прекрасно знал, и пообещал парням неприятности. Вечер был испорчен. Подобного рода нарушения строго наказывались, и последствия могли быть непредсказуемыми. Однако к удивлению ребят никаких мер предпринято не было.

Все прояснилось позже. Евгений, вместо того, чтобы сообщить обо всем руководству факультета, написал докладную записку в ректорат. Мы с Кириллом в ожидании дипломов разъехались по домам, а в это время началось разбирательство. Причем речь уже шла о возможном отчислении. Но разум все же возобладал: все экзамены сданы, и мы уже были в распоряжении военкомата. Осталось только получить дипломы.

Как объяснила потом куратор, это сыграло решающую роль, и решение было принято в пользу студентов. Вот так мы чуть не лишились дипломов. И все из-за одной низкой душонки. Знаешь, этот случай оставил очень глубокий след в моей душе. Я не представляю такого человека рядом с собой в тех испытаниях, через которые мне пришлось пройти. Даже в самых экстремальных ситуациях, все держались вместе, приходили друг другу на выручку и никогда не преследовали свои корыстные интересы.

А затем был выпускной вечер. Собрались в ресторане «Интуриста», гуляли до закрытия. Обменивались контактными адресами и номерами телефонов. Как правило, связь решали поддерживать через родителей, так как многие не знали, куда будут направлены.

На следующий день друзья беседовали в райвоенкомате с капитаном.

– Поедете в Москву, когда точно – не знаю. Позвоните мне примерно через месяц, возможно, что-то прояснится. Могу только сказать, что дело вам предстоит серьезное. Несколько месяцев будете готовиться к «загранке». Где – не имею понятия. Учтите, нагрузки будут серьезные. И физические, и психологические. Считайте это испытанием или, если хотите, последним

экзаменом. Поэтому не расслабляйтесь, будьте в состоянии постоянной готовности. С сегодняшнего дня вы уже офицеры, привыкайте.

Такой подход вызывал удивление, но делать было нечего. Посидев на прощание в уютном кафе, ребята расстались. Но, как выяснилось, ненадолго. Уже через две недели они получали последние наставления у знакомого им капитана:

– Как приедете в Москву, и сразу, подчеркиваю, сразу, звоните по этому телефону Игорю Петровичу (капитан протянул Кириллу клочок бумаги). Он скажет, куда прибыть. Желаю удачи! – И добавил с улыбкой. – Запомните, от вас самих зависит, будете ли вы есть белый хлеб у Черного моря или черный – у Белого.

Глава 7

На следующий день утром Илья и Кирилл прибыли в столицу. После разговора с Игорем Петровичем они направились по указанному им адресу. Возле дома никого не было, и только в скверике напротив прогуливался немолодой мужчина с собачкой. Медленно перейдя улицу, он подошел к ребятам, поздоровался и попросил следовать за ним. Неспешным шагом они дошли до перекрестка, свернули за угол, где стоял неприметный РАФ (очень похожий на нынешние «маршрутки», микроавтобус латвийского производства). Боковые стекла были затемнены, из открытой двери доносились звуки музыки. Внутри уже находились четверо молодых ребят примерно 23—25 лет.

Когда все уселись в свои кресла, автобус тронулся. Ехали быстро и молча. Не прошло и получаса, как автобус уже катил по загородному шоссе, а потом по лесной дороге, которая вскоре уперлась в ворота со шлагбаумом и высокий бетонный забор. На въезде стоял охранник в военной форме и с автоматом на плече. Ворота открылись автоматически, но никаких построек видно не было. Первый признак того, что в этом месте обитали люди, показался примерно минут через пять езды по извилистой дороге. Это было четырехэтажное здание с тремя подъездами. Все они имели свое назначение; через них можно было войти в три корпуса: жилой, учебный, столовую и санчасть.

Приехавших встретил офицер в звании полковника.

– Борис Андреевич, ваш командир. Следуйте за мной, – сказал он

В небольшом помещении, похожим на учебный класс (на самом деле так и было) уже находились еще 10 человек. Все они были примерно одного возраста и чем-то похожие друг на друга.

– Вы знаете, зачем сюда приехали, – начал свою речь полковник. – Уточню – будет трудно, но вы станете настоящими мужиками. Те из вас, конечно, кто выдержит. Но если кто-то и будет отчислен, не стоит унывать. Все, чему вы здесь научитесь, пригодится и в обычной жизни. Сейчас вас разведут по комнатам, покажут учебный корпус, столовую, санчасть и все остальное. Через два часа собираемся здесь же.

Комната, в которой поселились Илья и Кирилл, была небольшой, скромно обставленной, но выглядела уютной. По боковым стенам стояли две кровати с прикроватными тумбочками. Прямо напротив двери было большое окно, занавешенное шторами. Возле него – стол со стулом, на нем настольная лампа. При входе, слева, стоял шкаф для одежды, рядом – тумба для обуви. Справа – умывальник с зеркалом и шкафчиком для туалетных принадлежностей. Вот и все удобства.

Столовая также была обычной. Поразили своими размерами и оснащенностью спортивный и тренажерный залы. Для обычных учебных заведений это выглядело несбыточной мечтой. С большим интересом бойцы (теперь они так назывались) осмотрели современный стрелковый тир, где им предстояло тренироваться в стрельбе и изучать западные образцы стрелкового оружия.

Первый инструктаж был длительным. Новоявленным бойцам было объявлено, что обучаться они будут в составе нескольких групп, одной из которых они и являются. Группа разделена на так называемые «двойки» – по комнатам. Некоторое удивление вызвал приказ придумать себе псевдонимы.

– Запомните – это нужно будет вам исключительно в боевых условиях, а у нас – на практических занятиях и учениях. Хорошо, если у кого были «клички» в детстве или во время учебы – легче будет привыкнуть, – посоветовал Борис Андреевич. – Старайтесь так общаться и между собой в неофициальной обстановке, но только на территории нашего объекта. Мы будем вас готовить для выполнения боевых задач за рубежом. Не факт, что всем это приго-

дится в таком виде даже за границей (миссии могут быть разными), но, поверьте, лишним это не будет.

Так Илья стал Белым, а Кирилл Сычом. Впрочем, в первые дни пребывания в «школе» для удивления были и другие поводы. При всей жесткости внутреннего распорядка и необычных мер наказаний за его нарушение и невыполнение требуемых нормативов или просто указаний преподавателей и инструкторов, отношение к обучаемым было предельно доброжелательное. Но обо все по порядку.

– Перед нами стоит задача в короткие сроки (полгода) пройти сокращенный курс подготовки бойца спецназа, – продолжал Борис Андреевич. – Это ни в коей мере не означает, что вы уйдете от нас какими-то «недоделанными». Просто физические и психологические нагрузки будут предельными, результат оплатите своим здоровьем. Сразу, может быть, и не почувствуете, но на сердце это скажется. Поэтому при малейших признаках плохого самочувствия, подчеркиваю плохого самочувствия, а не усталости, не стесняйтесь, обращайтесь в санчасть. У нас не все выдерживают, и это не является наказуемым.

Следующий день начался с зарядки. Трехкилометровая пробежка и комплекс физических упражнений – все в течение 45 минут. После – душ, завтрак и первые аудиторские занятия. Ознакомившись с расписанием, Илья понял, что предстоит трудное время. Предстояло изучить целый набор военно-диверсионных премудростей, сдать не один трудный экзамен на выносливость и пройти несколько курсов специальной подготовки (воздушно-десантной, горной, радиосвязи).

В нашем повествовании мы уделим значительное внимание пребыванию Ильи Ивановича в школе спецназа. Для него это был период психологического становления, физической закалки, развития чувства товарищества и дружбы.

Итак, настали спецназовские будни. Распорядок дня был жестким. Как уже упоминалось, начинался он с длительной физзарядки, которая первые две недели проводилась в облегченном варианте, т.е. в спортивной форме. В последующем все занятия проходили в солдатской военной форме, а практические (в основном в лесу) – в обязательном порядке еще и в бронежилетах (около 8 килограммов).

До обеда лекции и семинары чередовались с выходом на местность. Поначалу приходилось проходить небольшие дистанции, со временем они доходили до 12—15 километров в день.

После обеда следовал небольшой отдых, а за полчаса до ужина дополнительный забег на 3 километра. Вечером играли в баскетбол в унтах и бронежилетах по правилам регби, а вернее сказать, без правил. Практически каждый день проводились занятия по рукопашному бою.

От усталости молодые ребята в буквальном смысле валились с ног, иногда по ночам слышны были стоны. По словам преподавателей, предстояло выдержать первый месяц, а «дальше процесс пойдет легче».

Запомнился инструктаж перед первым выходом в город. Со свойственным ему юмором проводил его Борис Андреевич.

– Занятия закончились. Сегодня суббота, до утра понедельника вы свободны и вольны в своих действиях. Но в девять часов все до единого человека должны стоять здесь. У нас есть правило: сколько ушло, столько и вернулось. Спиртное рекомендую употреблять умеренно, хотя вы сами убедитесь в необходимости этого. Каждый понедельник первые два часа отводятся рукопашному бою.

Наивно было бы думать, что все прислушались к совету, но те, кто проигнорировал его, утро этого понедельника помнили долго. С течением времени ребята научились правильно распределять свои силы, как в учебе, так и на отдыхе, «притерлись» к требованиям режима, пришло понимание всей серьезности того, для чего они туда прибыли.

А науки были серьезные. Интересно было изучать теорию минно-взрывного дела. Илья с Кириллом много времени проводили за изготовлением из подручных материалов макетов мин замедленного действия, знакомились с устройством заводских взрывных устройств и элементов неизвлекаемости. Полученные теоретические знания отрабатывали на полигоне. Именно там приобретались первые боевые навыки. Не обошлось и без неприятностей. Из-за недостаточной подготовленности одного из бойцов или по случайности произошел взрывкумулятивного заряда. Парень остался жив, но был помещен в госпиталь с серьезными ожогами. На остальных произошедшее произвело удручающее впечатление и заставило более осторожно относиться к работам на полигоне.

Долго пришлось Илье помучиться, пока он не овладел рацией. Выучить азбуку Морзе было легко, а вот научиться быстро передавать и принимать сообщения оказалось делом сложным. Иногда он попадал в смешное положение: приняв сообщение, пытался выйти в указанный в тексте район, но там никого не мог найти. Причина – неправильно записанные координаты. Но в нужное место все равно приходилось идти, поэтому, как шутил Кирилл, «Илье эта наука входила через ноги».

За весь период нахождения на курсах было проведено несколько учений. Приходилось проходить в полной экипировке (около 35 килограмм) до 20—25 километров за ночь, «подрывать» поезда, мосты и линии электропередач, проникать в режимные объекты, оборудовать временные жилища в лесу и многое другое. Зимой во время ночного перехода в одной из групп потерялся боец. Его нашли, но с обмороженными ногами. Если подытожить первые четыре месяца пребывания на курсах, можно со всей определенностью отметить, что это было очень сложное время, как в физическом, так и в психологическом отношении. После учений казалось, что все трудности позади. Однако впереди были еще два испытания.

В начале лета выехали в Среднюю Азию на горную подготовку. Предстояло три недели жить в палатках и познавать горы. Занятие это оказалось гораздо сложнее, чем представлялось. Бесконечные спуски и подъемы были причиной многих синяков и потертостей на теле. Подняться по отвесной скале на 70 метров означало потерять около двух килограмм веса. Спуск с высоты в 100 метров был не менее сложным. Самым трудным испытанием здесь были полет на канате (примерно 35 метров) и приземление на скалы. Не обошлось без потерь – один из бойцов сломал ногу. Марш-броски по горам выматывали настолько, что в короткие минуты отдыха все засыпали мгновенно, забывая порой о еде. И когда после завершения всех испытаний всем участникам было предложено на прощание крикнуть горам «Ура!!!», Илья и Кирилл не кричали, а орали, и не горам, а от радости и наступившего морального и физического облегчения.

Дорога домой была довольно приятной. За последние месяцы не было такой возможности побездельничать и отоспаться. Поезд потихоньку продвигался на север, за окнами один пейзаж сменялся другим, а в вагонах царили веселье и смех. Все лишения и тяготы были забыты, ребята вспоминали нелепые и смешные случаи в горах, и, казалось, что все закончилось. Настроение было как у победителей, никто не задумывался о предстоящей поездке в очередную войсковую часть для прохождения воздушно-десантной подготовки.

Несколько дней провели на «базе», просто отдыхали. Было предоставлено время для восстановления после гор и подготовки к выезду в дивизию ВДВ, расположенную где-то под Тулой. Чем ближе приближался этот день, тем тревожнее становилось на душе у Ильи. Нельзя сказать, что он уж очень сильно боялся прыгнуть с парашютом, но волнение нарастало. Прыжки были последним опасным этапом подготовки, и никому не хотелось в самом конце получить серьезную травму или, хуже того, разбиться из-за нераскрывшегося парашюта. Немного успокаивали слова инструкторов о том, что после Средней Азии, где все было «как мухи на стекле», прыжки покажутся развлечением. После всего, вспоминая проведенные в спецназе дни, Илья понимал, насколько правы были его учителя. Выпрыгнуть из само-

лета, пролететь пару минут и приземлиться оказалось проще, чем в течение часа карабкаться по скале, выверяя каждое свое движение. Но это было потом, а сейчас нужно было настраиваться психологически и надеяться на лучшее.

В часть приехали к обеду, поселились в солдатской казарме. На следующий день начались тренировки. Учились укладывать парашюты, осваивали тренажеры, отрабатывали приземление и другие необходимые элементы. Нагрузки были не такие большие, как раньше, после обеда можно было погулять в лесу или съездить в Тулу. Так прошло две недели, становилось скучновато. Вскоре основная часть подготовки была пройдена, осталось только совершить несколько прыжков с вышки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.